

(Исход, гл. 35, ст. 3) буквально, до XV в. ее отвергали. Поскольку еврейские сутки начинаются не с восхода солнца, как у христиан, а с вечера, свечи в еврейских домах зажигались в пятницу вечером. Кварталы евреев-раввинистов и караимов помещались обычно рядом, разделяясь забором или стеной (как было в Константинопольской Пере).⁶⁵ Так что контраст между ярко освещенными в пятничные вечера еврейскими домами и погруженными в темноту жилищами караимов был очевиден. Но это не вся разница. Аскетизм основоположника караимства Анана бен Давида «побудил его, — пишет ученый, — устранить насколько возможно все элементы радости и удовольствия, которые связываются в раввинистической практике с такими установлениями, как суббота и пасха».⁶⁶ «Сектантские святоши в Византии, следуя образу жизни палестинских „плакальщиков по Сиону“, — пишет другой ученый, — отвергали раввинистическую концепцию онег шаббат (субботнего удовольствия) как несовместимую с состоянием национального плача, к которому обязывало евреев изгнание . . . они утверждали, что благочестие требует добровольного отречения от законно дозволенных субботних радостей. Только превращая собственной волей и рвением субботы и праздники в дни поста и печали, можно по-настоящему придать плачу изгнания (т. е. национальному плачу) его глубочайший и наиболее точный смысл».⁶⁷ «Субботы и святые дни были, таким образом, в значительной степени обращены в оказии для скорби и самоотрицания. . .»⁶⁸ «Легко вообразить себе, хотя об этом нет никаких ясных свидетельств, что темнота в караимских домах пятничными вечерами могла быть неразборчивыми противниками представлена ложно. Своеобразный караимский способ празднования кануна субботы плачем во мраке при сопоставлении с весело освещенным домом раввиниста мог быть интерпретирован как вовсе не празднование, а скорее профанация субботы». Полемизируя с караимами, раввинисты на таком основании обвиняли их в «субботней ереси».⁶⁹

Так что слова Паламы к «хионам» («οὐδὲν τοῦτων στέργετε, οὐδὲ ποιῆτε αὐτά») могли, как видим, иметь и иной, чем мы думали раньше, смысл, а именно, что те не праздновали дни, которые ветхозаветный бог повелел праздновать, а — как то и свойственно было плакальщикам-«сионитам» — проводили их в плаче.

Караимы и раввинисты, как правило враждующие, в XIII—XVI вв. в пределах Византии, а затем Турции, жили в относительном мире и даже имели некоторые контакты друг с другом в области образования.⁷⁰ «Из Константинополя они (караимы) распространились, вероятно, в некоторые другие балканские города, но примечательно, что в Фессалонике, где находилась вторая по величине еврейская община в Османской империи, в начале шестнадцатого века не было ни одного караима, по свидетельству тамошнего раввина. . .»⁷¹ Конечно, за сто пятьдесят лет, отделяющих интересующее нас время от начала XVI в., распределение караимов по балканским городам могло серьезно измениться, но кажется, что их не было в Фессалониках уже в пятидесятых годах XIV в., после правления там «зилотов», когда Григорий Палама реально стал фессалоникийским митрополитом: Григорий говорит в «Беседовании», что он

⁶⁵ Z. Ankořy. Karaites in Byzantium, p. 336.

⁶⁶ L. Nemoj. Karaite Anthology, p. 9.

⁶⁷ Z. Ankořy. Karaites in Byzantium, p. 268.

⁶⁸ L. Nemoj. Karaite Anthology, p. 9—10.

⁶⁹ Z. Ankořy. Karaites in Byzantium, p. 393.

⁷⁰ Еврейская энциклопедия, т. IX, стлб. 279—280.

⁷¹ S. W. Baron. A Social and Religious History. . ., Vol. V, p. 273.